

Лидия Чарская

Девушка с кружкой

Лидия Алексеевна Чарская

Девушка с кружкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636885

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Вот уже несколько месяцев как Маня приехала из провинции и посещает драматические курсы. И с первого же дня своего водворения в Петрограде она трогательно и нежно влюблена в премьершу частного театра Киру Павловну Нельскую. Это какая-то особенная, какая то исключительная, наивная привязанность. Да и сама Маня кажется такой исключительно-трогательной и наивной с её широкими бархатными глазами Мадонны и с тонким, совсем детским, голоском...

Лидия Алексеевна Чарская

Девушка с кружкой

Высокая, тонкая, с чуть тронутыми тушью веками, актриса Нельская сказала Мане:

– Не хотите ли помочь доброму делу, детка, участвовать в кружечном сборе в пользу семей запасных? Возьмите кружку, захватите двух ассистентов и ступайте с Богом прелесть моя; и детям наших героев помощь, и вам занятно.

Маня взглянула влюбленными глазами в тонкое смуглое лицо Нельской, в её бархатные, играющие глаза и, краснея до слез от восторга и смущения, поспешила выразить свое согласие.

– Хорошо, Кира Павловна. Я постараюсь, только...

– Без только... детка, без только. Да будет так. Теперь я вполне спокойна. С вашим трогательным личиком и глазами Мадонны вы одна нам целое состояние соберете. А теперь, пока до свидания. Спешу на репетицию безумно. А оттуда в лазарет. Занята адово.

И, звучно поцеловав воздух у бледного виска Мани, очаровательная Кира Павловна, приятно шелестя шелками, испарилась как дым за тяжелой портьерой. Ошеломленная, счастливая и сконфуженная Маня смотрела ей вслед своими огромными прекрасными глазами Мадонны.

Вот уже несколько месяцев как Маня приехала из про-

винции и посещает драматические курсы. И с первого же дня своего водворения в Петрограде она трогательно и нежно влюблена в премьершу частного театра Киру Павловну Нельскую. Это какая-то особенная, какая то исключительная, наивная привязанность. Да и сама Маня кажется такой исключительно-трогательной и наивной с её широкими бархатными глазами Мадонны и с тонким, совсем детским, голоском.

– Свирельная Маня! – определил ее как-то студент-путеец Серж Глушев, прозванный в свою очередь всем Маниным кружком «пером Англии». В Кире Павловне же Мане нравится все: и недюжинный талант, и эти грешные веки, и пунцовые страстные губы, и змеиная походка, и даже самый голос её, ставившийся в вину актрисе критикой, носовой, словно всегда простуженный голос...

И когда Маня, замирая от восторга, стоит в кулисах, жадно ловя каждое слово Нельской, брошенное со сцены, – ей кажется, что где-то высоко-высоко поет смуглый ангел, тоскуя на небе о грешных радостях земли.

* * *

Сначала все шло прекрасно.

Правда, было холодно. И с утра снежило. Ильковый воротник Сержа Глушева запудрило инеем, и его бритое, холерное бесстрастное лицо, типичное лицо англичанина, – хотя в

жилах Сержа не было ни единой капли британской крови, – зарумянилось свежим молодым неровным румянцем. И маленький носик второго ассистента Шуры Никольского, уни-версанта, добросовестно дрогнувшего в его ветхом формен-ном пальтишке, покраснел на морозе как клюква.

Оба ассистента, и «пэр Англии» и Шура, старались быть корректными и менее чем когда либо смотрели волками друг на друга. Оба ассистента были безнадежно влюблены в Ма-ню Соболеву и ревниво следили друг за другом, оспаривая один у другого те крохи невинного внимания, которым из-редка баловала их Маня. А нынче как нарочно она, эта Ма-ня, на взгляд обоих её «рыцарей» была обворожительна. Бе-лая вязаная шапочка сидела легко, как пушинка на темной головке. Бледные с тонкими голубыми жилками щеки разго-релись. Разгорелись и огромные, бархатные, глаза Мадонны.

А свирельный голос звонко певуче приговаривал каждые три-четыре минуты по адресу публики:

– Детям и женам наших героев. Семействам запасных по-жертвуйте, господа. Кто сколько может, пожертвуйте.

И бархатные глаза и свирельный голос делали свое дело. Хорошенькая девушка с голубым щитом, сплошь уколотым алыми значками с коронками, то и дело откалывала от щита значок и пришила к груди жертвующего. А в круж-ку, которую самоотверженно таскал через плечо Шура Ни-кольский, падали серебряные и медные монеты, изредка руб-ли и пестрые бумажки ассигнации.

Глаза Мадонны улыбались. И невинные губки тоже. И рде-ло алым румянцем обычно бледное Манино лицо.

* * *

– «Бобры» показались на горизонте! Смелее, Марья Дмитриевна, – успел шепнуть Шура и для чего-то ухарски тряхнул кружкой.

Монеты тяжело звякнули, а свирельный голос снова пропел:

– Детям наших героев! Семьям запасных... Господа, пожертвуйте!

«Бобры» остановились. Высокий, плотный господин с изжитым лицом дегенерата, с чувственными губами и тяжелыми полуопущенными веками. Взглядом знатока, ценителя женской красоты, он окинул фигурку Мани.

– Хорошенькая. И очень!.. Весьма мила. Свеженькая, главное. И поужинать с такой весьма недурно, – говорил этот аспид.

И, вызвав на свои губы улыбку неотразимую, по его мнению, по адресу женщин, он подставил девушке свою широкую грудь, следя за движениями тоненьких пальчиков пресыщенными усталыми глазами вырожденца. Значок наколот. «Бобры» приподнимают изысканным жестом шляпу и опускают розовую десятирублевку в «кассу» Шуры. Потом незнакомый господин долго стоит на месте и немигающим тяже-

лым взором следит за удаляющейся изящной хрупкой фигуркой девушки.

– Десятинушку отвалил от избытка чувств, – с шутовской ужимкой шепчет Шура, как только «бобры» остаются позади сборщиков.

Он любит опрощаться, Шура. И иногда бравивирует «словечками».

«Пэр Англии» при этом морщится как от боли.

– Мой дорогой, не будьте же так вульгарны. Согласитесь, это вносит некоторый диссонанс в аккорд присутствия Марии Ди...

– Ах, подите вы с вашими аккордами. Слушать тошно. Марья Димитриевна прежде всего не кисея какая-нибудь и не слякоть, а сознательная, умная, передовая женщина... И с ней стесняться не приходится.

– Да.

– Но и распускаться тоже не резон.

– Да, в самом деле, Шура, вы стали с некоторых пор удивительно вульгарны. Не хорошо – вставляет свое замечание и Маня.

А сама думает в это время:

«Какое удивительное лицо. Вероятно актер или присяжный поверенный. И какие глаза у него тяжелые, усталые и манящие. Интересное лицо. Но как странно он посмотрел на меня. А вдруг идет с нами и слушает, и все слышит. И Шурины невозможные словечки и эти скучные отповеди „пэра

Англии“. Несносно, несносно».

И пользуясь тем, что её ассистенты атаковали какую-то смеющуюся эксцентричную барыньку, Маня обернулась.

«Бобры» действительно, шли за ними. И тяжелый, усталый и в то же время непонятно влекущий взгляд не отрываясь глядел ей в спину.

* * *

Решили зайти погреться в булочную Андреева. Предложила Маня. И нарочно говорила громко, чтобы тот, преследующий, услышал ее.

Теперь она уже не сомневалась, что он опередит их, войдет в кофейную и займет столик, чтобы еще раз увидеть ее там при ярком электрическом свете. И как ни странно, ей как будто даже хотелось этого. Так оно и вышло. Пока все трое стояли и совещались и спорили, он обогнал их и вошел в кафе. Даже Шура заметил его. И «пэр Англии» тоже.

– Это еще что за тип? – пробурчал себе под нос последний, движением истинного денди шикарно вбрасывая в глаз стеклышко А Шура с ненавистью взглянул «бобрам» вслед и бросил грубо, по-мужичьи:

– Если пристанет к вам эта дрянь, Маничка, вы мне шепните... Ноги обломаю.

У Андреева было тепло и уютно. Сразу охватила приятная атмосфера довольства и деловитой суетливости. Выпили по стакану кофе, уничтожили около десятка сладких пирожков и накололи щит новыми значками. Потом стали ходить вокруг столиков.

Маня не ошиблась. Незнакомец был здесь. Он сидел за крайним столом, ближайшим к двери. А его усталые глаза все следили не отрываясь из под низко опущенных век за ней. И почему то глаза Мадонны постоянно обращались в ту сторону, в то время, как сама Маня мысленно негодовала и злилась на себя:

«Ведь она, Маня, считается хорошенькой. У неё есть поклонники... Ею увлекаются. Она избалована вниманием мужчин. Не далеко ходить: „пэр Англии“ два раза уже делал предложение. Он недурен собой, молод, и ко всему еще сын богатого лесопромышленника. И Шура Никольский тоже влюблен, бедняк, по уши... Да и не только эти, многие другие. И вызывать восторг, внимание к себе мужчин для неё, Манички, не новость. Так почему же взгляд этого странного, настойчивого человека, волнует ее, зажигая любопытством?»

Выходя из кафе на улицу и поравнявшись с «его» столиком, Маня вздрагивает от неожиданности.

В её опущенной вместе с муфтой руке – записка. Ну да, записка. Маленький клочок бумажки... она чувствует его прекрасно и конвульсивно зажимает в пальцах, в то же время робко оглядываясь назад. Заметили или нет её ассистенты? Но «ассистенты» по-видимому не видели ничего. Слава Богу. Они и без того уже все время ждали случая придрататься к «бобрам»; а у «пэра Англии» его выпуклые глаза и так уже прозрачны от скрытой злости; Шура же Никольский смотрит чертом, как никогда. Маленькое сердце бьется... Шибко бьется, колотится в груди... Любопытство Мани раззужено до крайности. Ей делается физически приятен этот страх перед исключительно новой по впечатлению минутой. Теперь остается только, во чтобы то ни стало, отделаться от ассистентов. Смотрит на обоих с извиняющейся полуулыбкой и поет свирельным голоском:

– Мне холодно. И я устала. Больше ходить не могу. На сегодня довольно. Завтра заходите оба после лекций, начнем сызнава. А пока прощайте.

Передает щит «пэру» и невозмутимо садится на подозванного извозчика.

Ассистенты смотрят растерянно. Шура жмет и встряхива-

ет ей руку с такой силой, как будто хочет ее оторвать. А Серж улыбается странной, все понимающей, улыбкой.

О, этот «пэр Англии», он – претонкий.

* * *

В записке стоят не совсем по-обычному набросанные строки:

«Девушка с кружкой». Вы взялись за доброе дело, и это прекрасно. Но вы устали. Хотите, я облегчу вашу задачу? Я передам вам сто рублей в пользу семей героев, если вы согласитесь поужинать со мной. Невский №... Ресторан X. Кабинет 10. Спросить Вадима Львовича. В 11 вечера и непременно сегодня.

Маня смотрит на твердым английским почерком набросанные буквы и удивляется самой себе. Она нисколько не обижена. Ничуть не оскорблена. В другое бы время, при иных обстоятельствах, её молодая душа возмутилась бы, но не теперь, нет, нет... Удивительно, как все это вышло. Оригинально и тонко. Тонко и забавно. И позорного здесь нет ничего. Говорят, какая-то знаменитая американка продала не только свой ужин, но и свой поцелуй в пользу голодающих. А сама Кира Павловна, сама очаровательная Нельская, не рассказывала ли она ей, Мане, что как-то на благотворительном базаре, за данное ею право пригубить из своего бокала, она тоже получила радужную бумажку?

И к тому же «бобры», положительно, интересуют ее, Маню, как тип.

Конечно, со стороны общественного мнения это будет не вполне прилично. Но что такое общественное мнение, собственно говоря? Кто с ним считается в нынешнее время? И кто, наконец, узнает о её, Манином, поступке? Да и какой такой особенный поступок – поужинать с незнакомым, крайне интересным господином? Она к тому же, Маня, свободна, наконец. И отчета никому давать не обязана. И на этой мысли она решила.

К десяти вечера Невский преобразился, утратив свою обычную дневную физиономию. Закрылись магазины. Погасло электричество в витринах, и широкая улица приобрела сразу какой-то таинственно-недосказанный вид.

Суетливо скользящие фигуры женщин, специфической походкой измеряли длинные скучные тротуары.

Когда Маня подъехала к ярко освещенному подъезду ресторана, что-то болезненно зашевелилось в сердце. Не то страх, не то смущение. В ресторанах она бывала не раз в компании со своими коллегами с тех пор, как попала сюда в столицу. То были скромные пирушки на экономических началах. Но об отдельных кабинетах, один на один с женщиной, знала по книгам и понаслышке, из разговоров других.

Нетвердым, потерявшим разом всю свою свирельность, голосом, колеблясь, спросила еще внизу Вадима Львовича.

Лакей татарин, с бесстрастным типичным лицом, провел

ее в кабинет.

Дрогнув невольно, постучала в дверь и потянула ее к себе после коротенького:

– Можно.

Первое, что бросилось в глаза, большая тяжелая с сильной лысиной барская голова... И идеально сшитый смокинг поверх глубоко вырезанного жилета. Ласкали взгляд своим безукоризненно-изящным видом выхоленные руки с бриллиантовым перстнем на правом мизинце.

Острый и тонкий, как дорогое вино, запах незнакомых духов, смешанный с запахом сигары, сразу немного закружил голову.

– Добро пожаловать. А я уж думал, что вы не придете.

Когда улыбался, обнажал широкие белые еще зубы, с клыками, запломбированными золотом. «Золотая улыбка», – почему-то вспомнила Маня, и про себя усмехнулась.

На столе уже стояла закуска. Зернистая икра, балык, устрицы, омары под соусом, семга, майонез из дичи. Все очень вкусное и очень дорогое.

– Прошу, – пригласил Маню красивым закругленным жестом её новый знакомый после того, как с его помощью она сбросила шапочку и сдернула шубку.

«Адвокат. Наверное... Привык картинничать», – по выражению Шуры, решила Маня, смущенно присаживаясь к столу.

– А на диване разве хуже? – засмеялся гость, и сразу уста-

лое барское лицо, с глазами вырожденца и плотоядной челюстью, стало милым. – Да, pardon, я едва не забыл самого существенного. Небрежным жестом опустил руку в жилетный карман и, вынув скомканную сторублевку, передал девушке. – Благодарю за доверие... Разрешите?

* * *

Сперва разговор не клеился. Рассматривали меню... Сообщались о блюдах. Со свойственной всем порядочным женщинам корректной скромностью выискивала Маня все самое недорогое, и мило краснела, выбирая названия.

Вадим Львович тонко улыбался, следя исподтишка за девушкой. Чувственные губы плотоядно вздрагивали. Он знал женщин как свои пять пальцев: и развратных, и скромных, и острых, и безличных, и искусно играющих, выделяющих из себя что-то, и простеньких, непосредственных, наивных.

Но такой, как Маня он еще не встречал. С первого взгляда она поразила его своей нетронутостью, острой чистотой и правдивостью лица и взгляда. А тонкое, почти детское нежное, с голубыми жилками на висках и щеках, личико, осененное глазами Мадонны, положительно нравилось ему, будя его притупленность, ударяя по нервам, заставляя загораться вновь давно уснувшую страстность.

Он смотрел с явным восхищением в хорошенькое невинное личико, пока Маня с удовольствием ела свои любимые

пожарские котлеты, отпивая из высокой стопки добытого им Бог вещь какими путями татарин шампанское.

И уже в мыслях пресыщенного человека намечалась программа дальнейших действий. Они поужинают, она охмелеет от вина, и он увезет ее отсюда, туда, к себе, в его комфортабельную холостую квартиру. Сегодня свободный вечер. Нет-ти, эта его случайно затянувшаяся чересчур долго привязанность, не заглянет нынче к нему. Она занята в кабаре. Значит... Сладкая, давно уже не испытанная дрожь, приятно пробегает по его телу... Загораются щеки от близости милого юного существа. Горячей, прерывистой становится дыхание... Маленькая беленькая ручка с тонкими пальчиками при нечаянных встречах с его пальцами обжигает как укусы пчелы...

Неопределимо тянет схватить на руки девушку, всю такую нежную, хрупкую, такую чистую и зацеловать до полусмерти опытными, знающими поцелуями. О, милая, она еще прелестнее в своем неведении, не понимая, не угадывая, волнующих его мыслей...

После третьего бокала Маня захмелела. Порозовели нежные щеки... И глаза Мадонны заискрились сильнее шампанского.

А свирельный голосок стал все чаще и чаще прерываться взрывами беспричинного, глупенького смеха.

– Ха, ха, ха!.. Вы адвокат? Ну да, конечно, так и знала.

– Почему же именно адвокат? – снисходительно улыбнул-

ся натянутой улыбкой Вадим Львович, в то время как мысли его выводили совсем иные речи, полные утонченной чувственности.

Ну да, адвокат? Ей-Богу... В вас есть что-то такое... специфическое. Так и кажется сейчас: поднимитесь с места, обведете как с трибуны величественным взглядом аудиторию и начнете... – Господа судьи и присяжные заседатели... Ха, ха, ха... Но я кажется немного опьянела, вот скандал-то...

– Нисколько, нисколько, продолжайте, деточка.

– Ах, Боже мой, какие дивные груши... Я ужасно их люблю... – подхватила радостно Маня, закусывая предупредительно очищенный для неё её собеседником дюшес.

– А кого вы еще любите кроме груш?.. Того высокого студента-путейца в шинели или маленького универсанта в пальто?

И опять плотоядная улыбка прячется в насмешливой складке губ и за тяжелыми веками.

– Ха, ха, ха... Ни того, ни другого... Я никого не люблю... Одну мою грезу люблю. Милую далекую грезу... Знаете, как у Ростана? Читали?

Нет, он не читал Ростана, конечно. В нем нет разумеется ни капли перца, в Ростане. А то бы он знал его, разумеется. Он любит фривольное, легкое чтение... Вагонную мелочь... Немножко беллетристики, чуть-чуть порнографии. Но эта девочка так мила. Конечно, он не испугает ее своим невежеством, он скажет ей, что читал Ростана. Но она и не спраши-

вает даже. По-видимому, совсем захмелела, бедняжка.

Так мило запрокидывает головку и смеется. Белая нежная шейка дразнит воображение. Глаза Мадонны делаются совсем детскими, невинными и пустыми.

Вот он – момент начала...

В следующий же миг он рядом с ней на диване...

– Деточка, милая деточка, кого же вы любите еще?

И не дожидаясь ответа, с перерванным дыханием, прежде нежели она успевает крикнуть, сжимает ее в объятиях...

– Милая, милая деточка... Милая, милая крошка! Нежный цветок... Майская бабочка...

Какие настойчивые и ласковые руки! И эти глаза, казавшиеся еще недавно такими жуткими и тяжелыми, теперь они прекрасны в минуту страсти.

Маня чувствует себя былинкой под натиском бури в этих нежных властных руках. Это первые мужские ласки. Первые объятия в её жизни. Этот незнакомый человек баюкает ее как маленькую девочку. Неприятно только, что у него дрожат руки, и губы трясутся, и глаза смотрят так жадно, точно хотят ее съесть.

Из этих глаз словно сыплются искры и опаляют ее, Маню... и вздрагивает в её теле ответная страсть.

– Люблю мою грезу, всегда люблю... а вас сегодня, а вас сейчас, – лепечет она чуть слышно, сделав усилие над собой.

Потом начинает говорить более сознательно, толково и связно. Говорить о себе.

Приехала учиться нынче осенью из провинции на курсы, драматические курсы, да война совсем вышибла из колеи. Занимается, помогает Кире Павловне Нельской в лазарете её барона. Хотела учиться, сдать экзамен на «сестру», да отца жалеет, один старик остался... Брат на войне... На передовых позициях... Любимый... С самого начала... И дядя полком командует... Потом еще два кузена... Братишку жалко страшно. Совсем еще ребенок. Добровольцем пошел. Был ранен, но остался в строю. Подумайте, по девять дней из окопов не выходил. Пишет, что так с солдатами сжился, душа в душу. А потом двоюродная сестра у меня там была «сестрицей»... Ту убило наповал осколком снаряда... Счастливица, воплотила свою грезу, умерла как героиня на своем посту.

– Не надо о смерти, детка, не надо. Вы – сама жизнь, сама юность!

– Ах, нет. Разве можно о чем-нибудь другом теперь... по-стороннем. Война – это все. Жду, не дождусь пристроить как-нибудь у родных папочку... Сама на думские курсы сестер... А потом, даст Бог, и на передовые позиции.

– А если... Что-нибудь дурное случится?..

– Пускай... Ольга же умерла, убита. А я чем лучше?.. И Володя каждый миг собой жертвует... А я...

Володя!

Вадим Львович вздрагивает внезапно. Володей зовут и его любимца, сына той, первой, с которой он прожил необычайно красивую и тонкую эпоху своей жизни, и ребенка которой

вправе считать своим.

Володя, судя по письмам той далекой, оставленной им давно, давно, тоже ушел добровольцем, несмотря на свою молодость, на свои юные годы.

Где он сейчас, этот милый Володя?

Может быть тоже, как и брат этой девочки, по девять суток мерзнет в окопах или лежит где-нибудь беспомощный, сраженный неприятельской пулей.

Что-то нудное, ползучее, неотвязное проникает в сердце и щиплет его противными болезненными щипками.

Встают тяжелые картины, мучительные образы... Груда тел... Реки крови, обезображенные массы того, что было еще недавно живыми людьми. И среди всего этого хаоса, этого ужаса войны, он, Володя, нежный и хрупкий как девушка.

Володя и тысячи ему подобных сейчас там, среди этой бойни, этого ада, рискующие жизнью, каждое мгновение, а он здесь, как опытный хищник, как ядовитый паук, ищет минуты завлечь в свою паутину беззащитную глупенькую мушку...

Вадим Львович проводит рукой по лицу... Даже пот выступил у него на лбу. И мучительно больно снова кольнуло сердце...

Он смотрит с минуту на юную головку, прильнувшую так доверчиво к его груди...

Что это? Она кажется спит?.. Так и есть, бедная детка!..

* * *

Когда полчасом позднее Вадим Львович усадив у дверей ресторана в извозчичьи сани Маню и отправив ее домой, идет к себе домой, в свою одинокую холостую квартиру, ему кажется впервые, что в зимнем воздухе разлита какая-то особенная чистая, красивая свежесть, а от темного неба словно веет примиряющим, мягким спокойствием.